

мальных природных условиях, воскрешающих в памяти жизнь героев Джека Лондона. «В повестях К. действие происходит, как правило, в лесной глухомани, где каждый день жизни требует от людей немалых усилий физических и нравственных; ценность человеческой личности выявляется не в манерах и репутации, а в поступках; спрос с человека иной, чем в обжитых местностях с устоявшимся бытом» (Горышин Г.— С. 9).

В 1963 К. переехал в Комарово на литфондовскую дачу по соседству с А. Ахматовой. Летом уезжал в Заполярье рабочим геологоразведочных партий. К. осознал свою внутреннюю несовместимость с лит. средой Ленинграда конца 1960-х. По мнению совр. критика, К. «портит игру преуспевающим либералам, делавшим вид, будто все меняется к лучшему, хотя в лучшем случае не менялось ничего или менялось к худшему — таково было шестидесятилетнее двоемыслие, пышный ренессанс которого именуется гласностью» (Микушевич В.— С. 139). Дружеские отношения связывали К., помимо А. Ахматовой, с О. Берггольц, А. Гитовичем, В. Шефнером, И. Михайловым, Г. Горышиным; в целом же жизнь писательского мира была от него далека. В авг. 1968 К. переехал в Петропавловск-Камчатский, где стал работать охотинспектором Елизовского р-на и завершил повесть «**Это случилось в тайге**» (Л., 1969). «Подолгу пропадал в тайге, где чувствовал себя полным хозяином. Осенью 1974 года он сильно простудился на промысле соболя. До ближнего поселка Ключи его напарник тащил больного К. несколько десятков километров по таежному бездорожью на волокуше. К. надрывно кашлял, очень ослаб. Но в больнице не оказалось нужного лекарства, а вертолет доставить его из Петропавловска-Камчатского не смог из-за разыгравшейся непогоды» (Распятые. С. 102). Ослабший после перенесенного на ногах в тайге воспаления легких К. скончался в сельской больнице. Похоронен близ глубокочтимой им А. Ахматовой. Посмертно были переизданы два сб. прозы К. и однотомник его стихов с предисл. В. Шефнера. Интерес к творчеству К. вновь появился на рубеже 1980–90-х, когда были опубликованы его антисталинские стих. и лагерная лирика. Подготовленный в 1990 корпус поэтических текстов К. «Вийон читает стихи» света не увидел. Неизданным остаются также и значительный по объему массив написанного им в камчатские годы (в т. ч. дневники). Несмотря на бесспорную значимость творчества К. в истории русской лит-ры, оно никогда не являлось объектом изучения.

Соч.: Распутица кончается в апреле: повесть. М.; Л., 1962; Когда расходится туман: повести и рассказы / предисл. Ю. Германа. М., 1963; Дело прекратить нельзя: повести и рассказы. М.; Л., 1964; Камень преткновения; Распутица кончается в апреле; Когда расходится туман. М.; Л., 1966; Сила слабости; Плечо пурги. Л., 1966; Это случилось в тайге: Избранные повести. Л., 1976; Ожидание: Стихотворения / предисл. В. Шефнера. Л., 1979; Долг: повести / сост. Б. Л. Клещенко; предисл. Г. Горышина. Л., 1984.

Лит.: Штейнман З. Два поэтических сборника // Ленинградская правда. 1959. № 164. 15 июля. С. 3; Штейнман З. Добрая зависть // Звезда. 1959. № 8. С. 217–218; Цурикова Г. Рассказы А. Клещенко // Сибирские огни. 1960. № 5. С. 187–189; Фридман С. Большой мир // Нева. 1960. № 12. С. 188–189; Роднянская И. Человек в тайге // Лит. газ. 1961. № 2. 3 янв. С. 3; Койранская Г. Распутица кончается в апреле // Новый мир. 1962. № 10. С. 277; Горышин Г. Помню Анатолия Клещенко // Аврора. 1971. № 11. С. 8–10; Лебедев Е. Старинный спор // Лит. обозрение. 1980. № 11. С. 59–62; Михайлов И. Стихи прозаика // Звезда. 1980. № 12. С. 62–63; Клещенко Б. Л. Стихи за колючей проволокой // Кодры. 1990. № 11. С. 64–67; Городницкий А. Поэт меняет лиру на кирку // Дружба народов. 1992. № 5/6. С. 148; Микушевич В. Над изумрудным морем облака // Новый мир. 1992. № 36. С. 139–143; Распятые: писатели — жертвы политических репрессий / сост. З. Дичаров, статья Н. Мартыненко, Л. Ильиной. Вып. 2: Могилы без крестов. СПб., 1994. С. 99–103; Самиздат Ленинграда, 1950–1980-е: Лит. энциклопедия / Долинин В. Э. и др. М., 2003. С. 211; Огрызко В. Лексикон. М., 2004. С. 234.

М. П. Лепехин

КЛИМОВ Григорий Петрович (с 1948; настоящее имя Игорь Борисович Калмыков) [26.9.1918, Новочеркасск] — прозаик.

Внук скончавшегося в 1916 казачьего генерала Н. Попова; сын известного ростовского врача-гинеколога Б. В. Калмыкова, в годы Первой мировой войны бывшего старшим врачом Донского полка. Оба брата отца были до революции военными юристами; один эмигрировал в Болгарию, другой, оставшийся в СССР, был репрессирован в 1926. «Так или иначе, но в моей крови гены и наследственность двух царских следователей» (здесь и далее особо не оговоренные цитаты принадлежат самому К.). Мать — казачка. По сведениям А. П. Щербатова, отец К. происходил не из казаков, а из немецких колонистов (Щербатов А. П. — С. 340). В 1921–26 семья К., спасаясь от голода, жила в Миллерово, где юный К. работал пастухом. В 1926 семья К. вернулась в Новочеркасск, где К. прожил до 1941; мн. бытовые детали нашли отражение в романах К. После окон-

чания в 1936 средней школы с золотой медалью К. поступил в Новочеркасский индустриальный ин-т, который окончил в 1941 с дипломом инженера-электрика. В 1938 отец К. был арестован и приговорен к 5 годам высылки в Сибирь; больше К. его не видел. В 1941–42 К. работал в г. Горьком инженером на судоремонтном заводе. В 1942 К. поступил в аспирантуру Горьковского индустриального ин-та им. Жданова, одновременно сдав экзамен за три курса Горьковского педагогического ин-та иностр. яз. (с юности К. свободно владел немецким). «Чтобы не умереть с голоду, я работал грузчиком на ликеро-водочном заводе, где за работу платили водкой». В сент. 1943 К. перевелся в аспирантуру Московского энергетического ин-та им. Молотова и поступил на 4-й курс Московского педагогического ин-та иностр. яз.

В нояб. 1943 К. был призван рядовым в действующую армию; воевал на Ленинградском фронте и при освобождении Новгорода был ранен. По выписке К. был направлен в 96 особый парк резерва офицерского состава. В июне 1944 К. отделом кадров Ленинградского фронта был направлен на учебу в Военный ин-т иностр. яз., где был принят на 4-й курс немецкого отделения.

В марте 1945 К. был на боевой стажировке в качестве прикомандированного к штабу 1-го Белорусского фронта; отозван в Москву в конце апр. из уличных боев в Берлине. В июле 1945 К. окончил ВИИЯ и в звании младшего лейтенанта был направлен в Главный штаб советской военной администрации в Германии, где сперва служил переводчиком командующего экономическим управлением, а затем был ведущим инженером Отдела электропромышленности СВАГ. Служебно-бытовой конфликт (парторг правового управления СВАГ украл в Главном штабе СВАГ у единственного беспартийного К. мотоцикл, на что К. подал жалобу и получил приказ об откомандировании в СССР) побудил К. «избрать свободу» — в нояб. 1947 он перешел в американскую зону оккупации.

Американские контрразведчики полгода держали К. под арестом в одиночке без предъявления каких-либо обвинений, а затем отпустили его, украв все деньги и документы. В 1947–49 К. жил в Штутгарте в совершенной нищете с документами на имя Ральфа Вернера; единственным источником дохода К. были очерки в «Посеве» о нравах советской военной администрации в Германии — для их публикации был избран псевдоним «Григорий Климов». Очерки К. обратили на себя внимание — редактор «Посева» Е. Р. Ро-

Г. П. Климов

манов писал К.: «Скажите, Вы раньше где работали — в „Правде“ или в „Известиях?“» Наблюдения убедили К., что «в полуразрушенной Германии жизнь была лучше, чем в коммунистической России»; особо в жизни на Западе К. привлекало то, что, по его мнению, он «мог дать волю своим чувствам и писать то, что думает». «Мой лозунг такой; „Свободу и Родину мало любить — за них нужно бороться!“».

Лит. дарование К. и его активная жизненная позиция обратили на него внимание ЦРУ, и в янв. 1950 К. переехал в Мюнхен, бывший центром русской эмиграции в Германии, где принял участие в т. н. Гарвардском проекте — предпринятом по заданию Госдепартамента США американскими психологами комплексном исследовании, в том числе изучении феномена советского человека для ведения психологической войны (подробнее см.: Козин Е. В. Гарвардский проект. М., 2003). Работа под руководством Н. Лейтеса познакомила К. с основами психоанализа, воспринятого им весьма своеобразно — полученные знания он начал использовать для изучения своего окружения. В 1949–50 К. работал в Ин-те по изучению СССР; в 1949–55 К. принимал участие в передачах радиостанций «Освобождение», «Свобода», «Свободная Европа», а также в деятельности Национально-трудового союза (НТС); в 1951–55 К. был председателем Центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), а также главным редакто-

ром ж. «Свобода» и «Антикоммунист» (на немецком яз.) и входил в редколлегию ж. «Сатирикон».

В 1953 во Франкфурте-на-Майне в изд-ве «Посев» был опубликован роман К. «**Берлинский Кремль**». Сюжетом романа являлась жизнь самого К., изложенная от первого лица; несмотря на перенасыщенность публицистическими отступлениями, роман имел успех благодаря реалистическому описанию жизни в советской зоне оккупации Германии, на фоне которой разворачивается основной сюжет — жизнь самого К. Сам выбор темы — сравнение жизни в СССР и на Западе глазами образованного советского перебежчика — обеспечили роману К. необычайно теплое и доброжелательное отношение читателей и зрителей. Роман К. был издан в переводе на немецкий и английский яз., а также экранизирован Голливудом. Фильм «Путь без возврата» на Международном Берлинском кинофестивале 1953 получил первый приз как «лучший немецкий фильм года».

Производственный конфликт (К. сообщил руководству ЦРУ о гомосексуализме — что в то время считалось предосудительным — своего непосредственного начальника А. М. Мильруда, но в результате сам был уволен) побудил К. в 1955 расторгнуть свои отношения с ЦРУ и всецело посвятить себя лит. труду. В 1955 К. переехал в Нью-Йорк, получив американское гражданство и взяв в качестве имени свой лит. псевдоним. «Если в Германии я чувствовал себя как рыба в воде, то в Америке я почувствовал себя как рыба, выброшенная на песок».

В 1955–58 К. приступил к работе над романом-исследованием из советской жизни, в основу которого были положены знания, которые К. приобрел во время участия в Гарвардском проекте. Одновременно К. занимался самообразованием, находя в чтении трудов Ч. Ломброзо, М. Нордау, Р. Крафт-Эбинга, З. Фрейда, О. Вейнингера, А. Кинзи ключ к пониманию событий истории России XX в. Познания о событиях в России К. почерпнул по преимуществу из книг Б. Башилова и А. Дикого. Совокупность полученных сведений дала К. «отравленные ключи» к познанию окружающего мира, которые на протяжении полувека он старается изложить в беллетристической форме. В 1958–59 К. был консультантом т. н. Корнелльского проекта, посвященного изучению психологической составляющей Венгерского восстания 1956. С 1958 по 1970 К. работал инженером-электриком — «это была жизнь типично среднего американца, так что и писать-то

не о чем»; наиболее ярким воспоминанием К. было строительство американской военной базы во Вьетнаме. В 1970 оставил работу и всецело посвятил себя лит. труду, существуя на пенсию и доходы от ценных бумаг. Незавершенный в 1958 роман перерабатывался им еще дважды и в итоге увидел свет в виде диалогии «**Князь мира сего**» (Нью-Йорк, 1970) и «**Имя мое легион**» (Нью-Йорк, 1975). Сюжет романа как таковой отсутствует: на всем протяжении повествования «красный кардинал — главный маршал госбезопасности Максим Руднев» излагает в катехизической форме своему младшему брату Борису суть происходящих в человеческом обществе процессов, обусловленных «законами высшей социологии», иллюстрируя последние примерами остальных героев романа, а также реальных исторических лиц. Суть концепции К. в изложении «советского Фауста» М. Руднева сводится к выявлению закономерности между гомосексуализмом и агрессивностью; стремление же к власти является следствием подавления противоположного полового влечения; все душевные и телесные изъяны человека, как правило, обусловленные наследственным предрасположением, легко могут выявляться как по внешним симптомам, так и по анкетным признакам. С данных позиций К. рассматривает историю России первой половины XX в., в частности революционного движения начала века и репрессий 1935–38. Одним из стимулов революционного движения, по мнению К., явились гомосексуальные связи Ленина с Зиновьевым, Сталина с Микояном и Троцкого с Иоффе. М. Руднев приходит к выводу о необходимости создания советского аналога инквизиции для предупреждения вырождения советского общества — эти выводы положены им в основу успешно защищенной секретной докторской диссертации, представленной Сталину. Получив от Сталина всю полноту реальной власти, М. Руднев осуществляет Великую Чистку 1935–38, в ходе которой уничтожается или высылается в Сибирь всё потенциально опасное по признакам вырождения население. После начала войны по спецпроекту М. Руднева из мест заключения выжившие вырожденцы забрасываются в тыл противника для его разложения, существенно помогая партизанам в диверсионной работе. Карьера М. Руднева стремительна — за несколько лет он становится засекреченным Главным маршалом госбезопасности, трижды Героем Советского Союза и дважды Героем Социалистического Труда, а также духовным наставником Сталина, обучая его «диалекти-

ческому христианству». Тем не менее, когда М. Руднев заметил в своем ученике черты старческого вырождения, он без колебаний умертвил Сталина, а затем и организовал свержение доверившегося ему Берии.

Вторую часть диалоги К. посвятил изображению жизни младшего брата Бориса Руднева, назначенного руководить т. н. Домом чудес — таким способом К. изобразил свою деятельность в ЦОПЭ. В 1990 К. сопроводил роман примечаниями, где указывал прототипов всех персонажей. Легко узнаваемые в реальной жизни действующие лица романа способствовали остракизму К., который не считал, что совершил что-либо предосудительное с точки зрения лит. этики: «Ничего особенного в этом нет. Ведь когда Достоевский писал свой роман „Бесы“, то пописывал всех этих бесов из жизни. Ну вот и Климов списал всю свою нечисть ... тоже из жизни».

К середине 1970-х К. также осуществил переизд. «Берлинского Кремля» под новым названием «**Крылья холопа**» (Нью-Йорк, 1972), сопроводив его дополнением «**Цена свободы**» (отд. изд. London (Canada), 1972), где обстоятельно рассказал о своих злоключениях после «избрания свободы» в 1947. Небывалый в истории эмиграции скандал вызвал вышедший в 1974 сб. статей «**Дело № 69**» (Woodridge, 1974), имевший подзаголовок «О психологической войне, дурдомах, 3-й эмиграции и нечистых силах: Публицистика и сатанистика», где были даны отталкивающие портреты наиболее выдающихся деятелей т. н. диссидентского движения, эмигрировавших на Запад — А. Амальрика, А. Кузнецова, В. Тарсиса, А. Солженицына, А. Синявского. Вся третья волна эмиграции трактуется К. как спецпроект КГБ, преследующий двойную цель — удалить из пределов СССР наиболее политически активных выродков и ими разложить эмиграцию изнутри, а также под видом диссидентов заслать на Запад советских агентов. Изобилующие выразительными подробностями тексты К. внесли существенный разлад в эмигрантскую среду.

«Статьи Климова, при всех ошеломляющих основных положениях (мировой заговор сионистов), однако не были статьями сумасшедшего — в них была своя, сюрреальная, но логика» (Лимонов Э.— С. 171). Тезисы К. об агрессивной-расистской сущности сионизма и о Солженицыне как марионетке ЦРУ сблизжали его с советской пропагандой того времени, однако аргументация была совершенно иной. Если для советской пропаганды антисоветизм был одной из составляющих

идеологии империализма, то для К. вся советская и антисоветская идеологическая продукция в значительной степени являлась плодами творчества дегенератов; на конкретных примерах К. показывал, что процесс вырождения, которому подвержены большинство «творческих личностей», имел первоосновой не декларируемые идейные искания, а конкретные половые извращения. «Вся суть концепции К. сводится к дегенерации и вырождению: она была, есть и будет!» (Могутин Я.— С. 194).

Свою миссию в мире К. склонен рассматривать как дидактическую: «Моя основная задача — дать молодым людям науку, чтобы они не повторили те болезненные ошибки, которые у меня в жизни были». Этой цели посвящены также наговариваемые К. в 1988–90 на видеокассеты (35 кассет по 2 часа) «**Лекции по высшей социологии**»: «**Протоколы советских мудрецов**» (San-Francisco, 1981), «**Красная каббала**» и «**Божий народ**» (Краснодар, 1995–99), где ранее высказанные положения обобщены и систематизированы.

Мнения критиков по поводу книг К. противоположны. «Климовские книги и концепции можно было бы рассмотреть в качестве типичного постмодернистского стеба, если бы они не были написаны на полном серьезе», — полагает Я. Могутин (С. 183). Прямо противоположную точку зрения высказывает С. Дудаков: творчество К. он рассматривает как «трагически-веселую и откровенно издевательскую пародию по отношению к социологии о „малом народе“». (Дудаков С.— С. 223–224).

Подавляющее большинство читателей К. не склонны видеть в книгах К. элементов постмодернизма и пародийного начала и активно его покупают. По тиражам из писателей Русского Зарубежья К. сопоставим лишь с Солженицыным и «Лолитой» Набокова; суммарный тираж изданных в РФ за 15 лет книг К. приближается к 2 млн. «Гипертрофированный антисемитизм и гомофобия К. вкупе с его желанием уложить всю мировую историю в схему некоего заговора сделали этого мало известного в эмиграции маргинала-автора героем толпы и объектом настоящего культа» (Могутин Я.— С. 193). «Мистика, демонстрируемая на фактах нашей суровой действительности» (Бондаренко В.— С. 717) постоянно допечатывается в Краснодаре, где с середины 1990-х издается 7-томное СС К. (нумерация томов отсутствует).

«Один из самых экстравагантных, противоречивых и спорных писателей, которых знала русская литература», был принят в СП

России — по рекомендации В. Бондаренко, отметившего: «Можно соглашаться или не соглашаться с авторской трактовкой исторических событий и поступков тех или иных героев, манерой письма Климова, методикой его подхода к оценке жизненных явлений, но я уверен в одном: каждый из нас, прочитав книгу, узнает что-то новое». (Бондаренко В.— С. 717).

Тексты К. вошли одной из составных частей в весьма эклектичное мировоззрение образованного читателя постсоветской эпохи. Выражение «климовский тип» стало нарицательным наименованием человека, несущего на себе печать вырождения.

Соч.: СС: в 6 т. Краснодар, 1994—99; Мои книги делают доброе дело // День лит.-ры. 2003. № 5(81). С. 7.

Лит: Дудаков С. Ю. История одного мифа. М., 1993. С. 223—228; Могутин Я. 30 интервью. СПб., 2001. С. 183—225; Лимонов Э. Первое интервью // Лимонов Э. В. Великая мать любви. СПб., 2002. С. 170—181; Бондаренко В. Г. Пламенные реакционеры. М., 2003. С. 708—719; Щербатов А. П. Право на прошлое. М., 2005. С. 340.

М. П. Лепехин

КЛЫЧКОВ Сергей Антонович [5(17).7. 1889, д. Дубровка Калязинского у. Тверской губ.— 8.10.1937, Москва, Лефортовская тюрьма] — поэт, прозаик, переводчик.

Родился в старообрядческой крестьянской семье, занимавшейся кустарным баш-

С. А. Клычков

мачным промыслом. Истоки своего творчества связывает с одаренностью родителей: «...языком обязан лесной бабке Авдоть, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему Антону Никитичу...» (**Автобиография** // Клычков С. Серый барин. Харьков, 1927), а также с «лесной» природой, где протекало детство. Символично, что К. и родился в лесу (молодая мать, не уяснив по неопытности сроков, отправилась в день родов с лукошком в лес за малиной...). Как «дитя природы», К. был игралцем чудесных, роковых сил: его понимали животные, не кусали пчелы, постоянно выручал счастливый случай; рожденный под предрасполагающим к лунатизму созвездием Рака, он и впрямь был подвержен в детстве этому загадочному недугу, как в значительной мере подвержена ему и лирика К. Отличался К. и выразительной внешностью — стройный, высокий, с крупными чертами цыганского лица, он производил неотразимое впечатление на женщин. А. Ахматова высказывалась о нем как о «своеобразном поэте. И ослепительной красоты человеке» (Глекин Г. Что мне дано было... // РО РНБ. Незданные воспоминания об А. Ахматовой). Др. современник о молодом К. позже писал: «Яркой внешностью и щедрой душевностью Сергей привлекал к себе и чаровал. Он был тогда светел и радостен. Он был единственным в своем роде» (П. Журов). Прочувшись в талдомской земской школе, К. поступает в 1900 в московское реальное училище И. И. Фидлера, где учится до 1906. Стихи («больше про домашних и про леших» — Автобиография) начинает писать еще в сельской школе; первые публикации — в ж. Московского ун-та «На распутье» — посвящены революции («**Мужик поднялся**», «**Гимн свободе**» и др.). К. и сам в 1905 был участником боевой дружины, выступавшей на Арбате. В 1907 публикуется в альм. «Сполохи», «Белый камень», «Вестник общества „Самообразование“» (стихи и проза). В 1908 при содействии М. И. Чайковского (брата композитора) уезжает ненадолго в Италию, где на Капри встречается с М. Горьким и А. Луначарским. Осенью того же года поступает на историко-филол. ф-т Московского ун-та, окончить который, однако, не удается как по причине материальной необеспеченности, так и из-за творческой одержимости, которая отвлекала начинающего поэта от систематических занятий. В конце 1910-х (с указанием — 1911) выходит первый сб. К. «**Песни**» (М., изд-во «Альциона»), на который откликаются Н. Гу-